

Денис Малъцев

Мизерикордия

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Денис Мальцев

Мизерикордия

«Автор»

2026

Мальцев Д.

Мизерикордия / Д. Мальцев — «Автор», 2026

Он – Экзекутор Милосердия – убийца, исполняющий Акты Конклава Милосердия. Всякий Акт должен быть выполнен с помощью кинжала Мизерикордии. Таковы правила и не ему их менять.

© Мальцев Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Денис Мальцев

Мизерикордия

Глава 1

Литературно-художественное издание

Мальцев

Денис

МИЗЕРИКОРДИЯ

Жанр:

Триллер

Цикл: Гильдия убийц

Аннотация

Он – Экзекутор Милосердия – убийца, исполняющий Акты Конклава Милосердия. Всякий Акт должен быть выполнен с помощью кинжала Мизерикордии. Таковы правила и не ему их менять.

От Автора: В этом мире есть слова, которые звучат так, что я получаю истое наслаждение, просто произнося их, или читая. А когда за ними покоится ещё и глубина смысла...

Так, например, Мизерикордия – кинжал, переводящийся как Акт Милосердия. Его цель, добивать на поле боя поверженных врагов, что ещё живы, но не способны подняться на ноги. Лезвие кинжала настолько тонко, что проникает меж сочленениями доспехов, потому, он всегда срабатывает.

В моём арсенале будущего есть множество разного рода заготовок для писательства. Они рассортированы следующим образом: 1. Идея – файл с черновым названием, в который я набросал суть идеи. 2. Начатая история без идеи – файл, в котором я начал разгонять что-нибудь, после чего оно формирует идею уже внутри себя. 3. Название – файл, в котором есть просто одно название и всё. И некоторые из этих файлов, называются именно что словом, которое очень приятно моему мозгу. Так вышло и с Мизерикордией.

А как оно будет внутри, я не знал, пока не открыл этот файл и не отдал ему первые буквы.

Новелла Мизерикордия – мрачная запутанная и закутанная в балахоны история, что задаёт свой собственный стиль с первых строк повествования. Как и всегда, словно бы не я сам это писал, а просто находился внутри и описывал происходящее.

Во время её изучения и написания, я поймал невероятный интуитивный вау-катарсис. Когда перебирал названия оружия для второй организации внутри своей головы, мне пришёл в голову именно Стилет. Я не обращался к гуглам или каким-то другим источникам. Только к памяти. Мне показалось, что это название соответствует заложенной сути наименований внутри истории. Каково же было моё удивление, когда выяснилось, что Стилет, есть модифицированная со временем версия Мизерикордии. Уже после того, как я решил свериться с его внешним видом. И это, как нельзя кстати подошло истории.

Далее очень быстро стало понятно, что это серия новелл, а не одна. И их названия пришли в голову мгновенно:

Мизерикордия; Стилет и Гаррота.

Кто-то даже скажет, что это наш ответ Джону Уику, пусть скажет, если захочет привлечь к этому внимание за счёт параллелей.

Приятного чтения тебе, открывший эти строки, и Вау-Катарсиса твоему делу!

Мизерикордия

Голова 1. Храм. Секс. Убийство.

Большая вена шеи её вызывающе пульсировала, отстукивая в мою ладонь нечто зовущее. Призывное. Так умеют делать только женщины. Моя плоть взрывалась там внизу. А ведь она будто бы и не делала более ничего другого, кроме как играла пульсом вены в моей ладони.

Я хотел сжать. Так безумно хотел сжать эту хрупкую тростниковую шейку, до хруста, неимоверно лёгким движением переломить жизнь тёплым нажатием.

Я хотел её.

Спорно, что я хотел больше. Её или лишить её жизни. Голова моя напоминала забытую на плите кастрюлю. Выкипела и готова была вот-вот взорваться.

А она молчала. Скажи ты хоть что-нибудь, хватит так безропотно измерять меня своими безмятежными зеркалами глубоких океанических тонов.

Волосы её, что золотые волны с чёрными щупальцами промеж них рассыпались каскадами по нехоженому красному под кровь ковровому покрытию под высокими сводчатыми потолками храма. С мозаичных потолков на нас осуждающе воззрели Лики Святых.

Мне тоже не по нраву решения в своей голове. И каждое из них не по норову придётся и Вам, кем бы Вы там, на каменных небесах не являлись: человеческим вымыслом или же реально жившими символами.

Я возлежал на ней, сверху, прижимая всем телом, лишь в сторону отведя одну свою правую руку.

Кисти её, связанные чёрным хомутом и прижатые к низу живота ощутили мою распирающую энергию вождения. Или это я ощутил её ладони. Но она пошевелилась, и впились в член. Он преисполнился ещё сильнее, а дыхание моё растерялось в единственно возможном тоннеле выхода, уперевшись в стиснутые зубы.

А она молчала.

Лишь вена на шее настойчиво отщёлкивала в мою ладонь, да её пальцы сжали в притягательной хватке мой фаллос. Он запульсировал к такту её шеи.

Этим меня не проймёшь. Этим ты меня не проймёшь.

Губы её слегка приоткрылись, скулы очертились по лицу красотой создателя или поработавшего хирурга. Миндалевидные глаза продолжали смотреть на и сквозь.

Меня.

До чего красивая, но я здесь не за этим. Не за любованием, не за наслаждением.

За работой.

Где-то над каменным небом святых, много выше и всего-то лишь на этаж, прозвенел колокольный звон.

Зубы разжались, воздух нашёл выход, сбросив с её лица пару непослушных прядей.

Одну чёрную, другую золотую.

Моя правая ладонь потянулась к поясу, левая же оставалась на шее её.

Она тяжело со стопорами дышала, усиливая метания неупокоиваемой вены.

Звон нарастал и перешёл в некую музыкальную мелодию, несущую за собой... Как это можно обозначить? Фатум? Кисмет? Судьба? Конец?

При мысли о конце, она сильнее сжала член, а потом неимоверным движением вынула его из штанов, как-то приспустила свои обтягивающие лосины и загнала в оказалось что подготовленное излишне умасленное лоно.

Проверни я такое с руками, связанными хомутами, я бы, наверное, отделался несколькими переломами плечелучевых костей, она же издала томный стон. Несколько протяжных стонов тут же последовали за первым, её бёдра утягивали мои за собой в быстрой волнообразной игре и я перестал контролировать нижнюю часть себя, предаваясь лишь звону колоколов.

Это описывалось не менее, чем необычно, стрессово, стимулирующе, я задышался и начал кончать. Она тоже.

Я оставляю в ней часть себя. Мёртвое наследие. Улики.

Ровно в тот момент, когда горячий поток хлынул вовнутрь, должный обессилить меня, правая ладонь вернулась к предначертанному – её шеи коснулось тонкое иглообразное жало моей Мизерикордии.

И она снова замолчала, подавив стоны и стихнув в судорогах между бёдер как будто бы по щелчку пальцев. Даже вена на миг приостановилась.

– Возможно, в другое время, в другом месте, я бы сказал тебе совсем иное, – сдавленно прохрипел я, – Но сейчас за меня будет говорить мой клинок.

Жало углубилось в тонкую шею, заставив вену затрепетать на запредельной скорости и сообщить мне, что я делаю что-то неправильно. В очередной раз.

Всегда, когда я лишаю кого-то жизни, я делаю что-то неправильно. Всегда.

Глаза её, цвета океанических глубин расширились, лоно сжалось.

А она молчала.

Должен признать, ту нескончаемую боль, каковую она сейчас испытывает, она переносит стоически. Мужчины вели себя совершенно иначе. Дёргались и стонали, как дети малые.

Я удерживал горячую рукоять и читал. Читал сообщение, посылаемое вовнутрь её сознания через капсулу, внедрённую через лезвие клинка.

Я не мог бы его чувствовать и читать. Никто не мог. Ни в каких правилах не прописывалось такой возможности, но я почему-то всегда был способен прочесть адресованное жертве, никогда ни с кем этим не делился, но читал и запоминал, как и сейчас:

«Акт Милосердия Гласит: Видишь, Айвенна, насколько просто сменить милость на гнев, насколько тщетно и глупо злить Нас. Зришь, какова боль последствий? Он не знает, что ты тоже носительница Мизерикордии. Он не знает, что ты лишилась своего оружия и с позором изгнана из Конклава Милосердия. Но он выполнит свою работу. Если не он, то следующий. Ваши потуги по вершению судеб смехотворны и все твои подельники падут. Не нужно придумывать собственную и додумывать прежнюю систему. Нужно безропотно подчиняться нынешней. Ты с этим не справилась. Покойся по Нашему Милосердию!»

Колокол ударил в последний раз. Её глаза сомкнулись. Последний раз.

Она молчала. Последний раз.

Я сделал что-то неправильно. В очередной раз.

Глава 2

Голова 2. Похороны. Работа. Дом.

Буквально Adlitteram

В этот раз я наследил. Наследил вовнутрь жертвы, а значит, оставлять её тело в Храме, как планировалось ранее, опасно. Пока я не вынул клинок, кровь не струилась. Да и в капсулу зашивалось что-то охлаждающее, ненадолго замораживающее рану.

Я поднялся на ноги, поймал лёгкое головокружение и слабость, одёрнул полы мантии священнослужителя, накинул капюшон. В небольшой аптечке, что с моим ремеслом сопровождала меня даже у сонного одра, безошибочно отыскал пластырь, вынул Мизерикордию из шеи убиенной, тут же залепил пластырем.

Её я накрыл епанчей, навеки одолженной в гардеробе храма, и взяв её на руки перед собой отнёс до машины.

Раннее утро не избавило мир от зевак, не упустивших okazji полюбоваться, да разве что пальцем не потыкать в чёрный лэнд ровер и наглого, явно взяточнически настроенного священнослужителя, усадившего своего перебравшего коллегу на заднее сидение.

А что было делать, закинь я её в багажник, это выглядело бы подозрительным, никак иначе.

Лэнд ровер не спеша покинул территорию Храма и направился утренними тропами в загородную резиденцию, покоившуюся в коттеджном посёлке Вышняя Благодать. Хотя её жители предпочитают латинское наречие *Summum Bonitas* или же просто Бонита.

Посёлок этот презентовал себя как элитный, имел собственную инфраструктуру, независимую от города. Клуб, церковь, управление – расположившееся в замке и даже собственный крематорий.

За порядком в посёлке следила охранная служба, состоящая в основном из молодняка, ещё не прошедшего посвящения и из редких старпёров, сумевших дожить до преклонной старости за сорок. Для Экзекутора Милосердия, сорок лет это уже пенсия. Мало кто доживает до неё. А те, кто доживает, не жаждет возвращаться в привычный мир, предпочитая оставаться у порога Конклава, под их наблюдением, властью и пенсией.

Экзекуторы Милосердия личности, надо признать, очень закрытые, замкнутые даже, недружелюбные. Здесь никто не водил крепкую дружбу. Как и какую-либо другую. Насколько я мог судить по своей отсутствующей дружбе с кем-либо. Все предпочитали укрываться друг от друга в капюшоны и в маски на лицах, так что я не могу сказать, что смог вживую познакомиться хотя бы с четвертью обитателей посёлка. Он наш Рай и Ад.

Здесь мы живём и служим. Здесь мы находимся в постоянной тревоге. Он наш дом и работа.

Я показал пропуск – сжатый кулак скрещенные друг к другу мизинец и указательный пальцы. У каждого Экзекутора свой личный пропуск-жест пальцами, что даётся на всю жизнь. Для дополнительной же проверки есть татуировки куар кодов, набитые на левые предплечья, но обычно они не требуются. Лишние люди в этот посёлок не заезжают. Он имеет довольно мрачную славу под покровом своей элитности и вуалью неподтверждённых слухов. Хоть слухи те и близ не проносились подле правды.

По осанистости укрытого в синий балахон охранника, я понял, что он из стареньких. Слегка подкряхтывал, дыхание из груди выходило не столь энергично, да и ретивостью, присущей молодым в выполнении любой задачи, не обладал.

Я надвинул капюшон на лоб ещё сильнее, приподнял маску к самым глазам и поехал тихой гладью под сорок километров в час к крематорию.

Исполнители похоронных обязательств никогда не задавали никаких вопросов, неважно, кого ты привёз в посёлок, жертву милосердия или же свой личный висяк. Хотя, Экзекуторы предпочитали не привозить следы своих преступлений в стены посёлка. Все маршруты внутри отслеживались от момента въезда через проходную, до пути в дом. Пусть и с властями всё было схвачено, но это влекло последствия со стороны управления Конклава. А попасть на карандашик к Конклаву, означает – лишиться привилегий.

Девушку выгрузили из машины, бесцеремонно бросили на гусеницу.

Один из Серых предложил мне сигарету. Я не отказался. Это своеобразный молчаливый ритуал провожания жертвы к огню. Экзекутор курит вместе с Серым, не говоря ни слова и смотрит на жертву в последний раз.

Айвенна, так её звали, вряд ли это настоящее имя. Я вернулся хладнокровными мыслями к тому, что прочёл в предсмертном послании. Речь шла о предательстве Конклава. Это не моё дело, но до меня только теперь доходило, что я убил, скорее всего Экзекутора.

Не туша сигарету, я подошёл к убиенной, обшарил карманы и на икре сзади нащупал ножны Мизерикордии. Аккуратно отцепил её, и упрятал в рукаве. Не заряженный дезерт игл, обычный нож, аптечка, телефон – всё это стоило предать огню. Как и Мизерикордию. Но её я решил оставить себе. Сама Мизерикордия была уже без капсулы, то есть, являлась использованным оружием, а нового ей не выдали, как сообщили в предсмертном послании, но иногда, даже сквозь пустые Мизерикордии мне удавалось прочесть урывки сообщений. Необходима лишь концентрация и тишина, прочту на досуге.

Я бросил всё найденное в открытую печь, мельком осмотрел предплечье – да, личный куар код у неё имелся.

Серый докурил.

Огонёк его сигареты затлел и затух, предвещая возжигание огня, забирающего тела и души. Гусеница оправила тело вовнутрь печи.

С сухим щелчком внутри разгорелся огонь, запылал с безумствующим звуком, превращая то, чем являлся прежде человек в пыль.

Я выдохнул последние кольца дыма и не глядя более на Серого, направился к машине.

Теперь покой. Перед следующим Актом следует восстановить силы, потренироваться и снова побыть в компании своего ненавистного молчания и одиночества.

Лэнд ровер тронулся, похрустывая гравием под протекторами.

Гравий только и хрустел, все остальное предавалось мертвенной пустоте и тишине.

Словно бы жизни не витало на этих улицах. Лишь чадил Крематорий, возвышался над ним мрачный замок Управления с чёрными бойницами, на современный лад закатанными в затонированные бронированные стекла в чёрные же рамы. А все коттеджи, какие с двором и высоким забором, какие без всего, смотрели на одинокую машину из-под век завешенных штор. Плотных, тяжёлых, как сама суть этого места штор.

И никто никогда не знает, есть ли в этот момент, когда проезжаешь мимо, хоть кто-нибудь в этом доме, или же он свистит пустотой, пылью и пробравшимся вовнутрь ветром, пока отсутствующий хозяин делает что-то неправильно и лишает кого-то жизни.

Ведь только воздух, да ветру положено заходить вовнутрь, в то время, как ни один Экзекутор не имеет такового права. Кроме исключительных случаев с жёнами.

Но они настолько исключительны, редки и не распространяемы, что трудно представить, сколько же таковых случаев вообще было внутри стен закрытых коттеджей.

Я слышал о парочке подобных прецедентов, пока был молодняком, несущим охрану Бониты, но никогда не задавался целью жить так же. Всегда проще переспать с женщиной со стороны и разойтись. Ведь не стоит им копаться у нас в головах. Тем женщинам, что снаружи Бониты. Пусть они впитывают лишь жёсткие скопившиеся мужские потребности, не более того. Пусть будут счастливы от случайных половых переплетений тел с теми, кто на протя-

жении жизни несёт внутри себя столько горя, ненависти и безропотного подчинения своему Фатуму. Пусть их дети никогда не знают свои отцов, как бы плохо ни жилось без отцов детям.

Одиночество и невозможность выговориться никому, о своих думах, переживаниях, умо- заключениях, превращают человека в чудовище каковыми и являются Экзекуторы Милосердия, каковым и являюсь Я. Динанд Фьорвирринг. Как я привык. Фердинанд полного имени, или Фер для малочисленного круга общения за пределами Бониты. Исландец на половину крови, другой половиной прилившийся из России. В русском же паспорте Написано Фёдор Фьёр. Пакостливое имечко, режущее уши всякий раз, когда его произносит сотрудник дорожных или подзаконных ведомств, ибо никто другой его более не произносит. Когда же меня обязывают его произнести по малозначимым бюрократическим вылазкам, я молча сую паспорт в лицо просящего, чтобы сам переписывал имя, а на все досужие вопросы, не касающиеся дела, предпочитаю отвечать молчанием.

Здесь есть несколько имён, со времён охраны, которые ещё не стёрлись из моей памяти, плюс прозвища персонала, так же прячущего свои лики. И всё. Вот он мой круг знакомств соседей за жизнь, с каковыми по сегодня я не общаюсь. Расчёт всегда наличными, без каких-либо электронных следов внутри посёлка. Чаще, я предпочитаю пользоваться продуктами извне. Как-то спокойнее, когда я лишний раз не нахожусь на улицах Бониты.

Конклав Милосердия

Конклав, буквально: Лица, Запертые Вместе. Немилосердно запертые, но поскольку лиц друг друга мы не видим вообще, не уместнее ли было бы назваться нам, скажем, Капюшоны, Запертые Вместе. Или же: Маски, Запертые Вместе

Маски, Запертые Вместе!

– *Personis Clausa Simul!* – услышал я свой хриловатый подзастоявшийся голос, –

Одним словом ПерсклаПекла *Perclasi!*

Я распробовал его на вкус, покатал во рту и в голове, мне понравилось.

Perclasi. Вот кто мы. Мы как больница с врачами и больными, запертая изнутри и снаружи, занимающаяся не тем, чтобы исцелять этих больных, а порождать и далее своё действие, не ведущее к финалу.

К освобождению одних от других!

Lalibertadegli altri.

Мы как общество в период Пандемии, когда весь мир сошёл с ума по ковиду и отдалился друг от друга масками и изоляцией. Только их помутнение было минутным на вехе истории, наше же нескончаемо.

Perclasi.

Вот, кто мы.

А наше, так называемое милосердие, положено в основу через жестокость. И только через неё, так не уместнее было бы назваться, скажем:

Perclasi Crudelitas?

А не, мать его, Конклавом Милосердия? Мозг закипел. Мне требовалось с кем бы то ни было поделиться. Но не следовало. Я вспомнил убиенную девушку Айвенну и последнее сообщение, переданное ей. *Не нужно придумывать собственную и додумывать прежнюю систему. Нужно безропотно подчиняться нынешней.* И мне сейчас не стоит и дальше снимать узду с разгоревшегося внутреннего голоса, а стоит смиренно отправиться на покой, в ожидание следующего Акта.

Ведь, таковую фразу: «Ты с этим не справилась. Покойся по Нашему Милосердию!» я бы ни за что не пожелал услышать внутри своей головы через разрывающуюся капсулу.

«Покойся по нашей Жестокости!».

Гравий замолк под колёсами на мгновение раньше, чем остановилась машина.

Мой Дом.

Моя Крепость.

Укрытие.

И Выход.

Тьма моего мира, снаружи головы, где можно выдавать мысли вслух, выбрасывать в пустой воздух яростные удары и отдыхать, проваливаясь в самый чистый, но всё такой же беспокойный сон. Ведь ни один из Экзекуторов, после того, как проходит посвящение и вручает по своей милости первый Акт, лишаящий жизни, никогда более не спит спокойно.

Ещё меньше можно обнаружить спокойствия внутри моей души. Ведь я читаю все посмертные сообщения в Мизерикордиях. Читаю их и тревожусь больше, чем мог бы кто другой. Но что я могу.

Что мне нужно, чтобы это превозмочь. И что дальше, если это превозмочь?

Есть ли что-то ЗА пределами *PerclasiCrudelitas*?

Я закурил, горькую, с фиолетовым фильтром – безымянные сигареты в чёрной шестиугольной упаковке, продаваемые в местном магазине Бониты.

Они во много крепче обычных, их горечь перекрывает Всю Горечь Мира, в момент затяжек. Они освобождают голову от дурноты.

И, заходя домой, я уже не тягал тонны тяжёлых дум, а лелеял лишь мысли о балансе, предстоящей тренировке и скором сне.

Да выдыхал Всю Горечь Мира из своих лёгких, веруя, что это безвредно и что дым спасает меня, нежели калечит.

Маска сброшена, воздушный фильтр снят, капюшон с тяжестью рухнул на плечи, обнимая их сложившимися полами.

Я уставился в зеркало длиною в пол на входной двери, небрежно взъерошил белые волосы, сверкнул голубо-синими глазами убийцы и выдавил с напряжённо сжатых губ паскуднейшую ухмылку.

Дом, милосердный Дом.

Входной санузел окатил меня холодной прохладой помещения, встретил такой же никак не желающей нагреться прохладой воды. Дегтярное мыло заскользило между пальцев рук, проходя под ногтями. Я оставлял беспощадные зарубки на коричневом бруске, вгрызаясь ногтями так глубоко, как они позволяли разместить в себе мыльную кашу.

Я любил запах дёгтя. Любил всевозможную горечь.

Далее зал. Мой первый визит в дом, после завершённого Акта – это расположить Мизерикордию на балансном арт-объекте посреди зала.

Я выискивал баланс во всех клинках и размещал их под неведомыми углами друг от друга, располагая друг на друга. Получалась некая колюще режущая ёлочка. А в игре теней, сопутствующей ночи, усматривалось некое недвижимое полное угрозы чудовище.

Но я давно не ребёнок и в этой комнате только одно чудовище, каковое могло бы напугать детей – я сам.

Я настолько не шумел в своём доме и не колыхал пол (кроме подвала, где располагался мой тренировочный зал), что балансный арт-объект – который я и называл «Милосердием С Усмешкой» – никогда не падал, стойчески выдерживая баланс частиц.

Но сегодня, на полу, я обнаружил сразу три упавших клинка, упавших чуть ли не по форме звезды мерседеса или камертонов из ямахи.

Я хоть и не создавал шума, кроме как в своих мыслях, замер, позволяя лишь голове осматривать назревающий жутью полумрак, забирая углы с разрешения поворотов шеи.

Нет ничего страшнее, чем собственный дом, когда ты ждёшь от него отдыха, а вместо того, внутри кроется неизведанная опасность.

И никто. Никто не поможет мне её решить, ведь таковых прецедентов быть не может в Боните в принципе.

Свет, протискивающийся сквозь плотно задёрнутые шторы, падал на меня, и вертящаяся по залу голова уловила на стене замерший человеческий силуэт, состоящий из отброшенной тени. Его положение, напряжённость и нахождение именно на этой части стены, вновь смутили меня. Это я в такой позе замер или некто, присутствующий здесь.

Я присел, не спуская с тени глаз, правое колено издало противный суставный щелчок, так оглушительно звучащий здесь. Где-нибудь на кладбище, будь у нас в Боните таковое, сказали бы, что я этим вот щелчком перебуду всех постпокойных.

Тень последовала моему примеру. Неужели я выгляжу столь жутко в отражении света. Вроде бы за здоровьем слежу, за телом и даже, черт бы его за лицом. Но чтобы моя тень в напряжении выглядела куда более устрашающе, чем тень от инсталляции Милосердия С Усмешкой. Чтоб меня.

Я вычерпал себя из глубины мыслей и вернулся к реальности.

Очевидно, что в зале совершенно никого. На кухне, совмещённой с залом, разве что за островом. Остаётся спальня, котельная, гараж внутри дома, три пустующие (Мёртвые) комнаты и подвал с тренажёрным залом и комнатами для хранения.

За островом всё же проверил, никого. Нежилые (Мёртвые) комнаты так же веяли прохладой и пустотой. Я не нашёл способа, чем их занять. Все, что мне требовалось, умещалось в зале и в подвале. Это же выглядело, как странная надежда когда-то занять эти помещения сущностью маленьких человечков, порождённых моим семенем. Но как только представлю, какая участь преподнесётся моим официальным детям, содрогаюсь от ужаса и решаю оставлять эти комнаты и дальше мёртвыми. Уж лучше пусть мир топчут мои Бастарды, а их родители потом удивляются, откуда в их чадах столько жестокости. Но своего отца и его ген лично им знать не следует.

Я затворил пыльные (Мёртвые) помещения и направил мысли в подвал. А затем уже гараж. Гараж не может быть, ведь туда я загнал ровер, когда вернулся домой, и заметил бы что-нибудь, выбивающееся из привычного. Я очень внимательный человек.

Котельная? На потом, сначала зал!

Пальцы покрепче сжали рукоять уже пустого безкапсульного кинжала.

Сердце изо всех сил доказывало, что оно у меня есть, колотясь из стороны в сторону. Что же ты во всё остальное время убеждаешь меня, что я бессердечное чудовище, не выдавая и малейшего признака жизни?

Я открыл мягко ходящую смазанную деревянную дверь в тренажёрный зал. Повеяло прохладой и ароматизаторами, в которые вмешивался небольшой аспект моего собственного пота. И, что-то ещё.

Частичка чужого запаха, едва уловимая, но уловимая там, где его быть не должно.

Какие-то напускные фразочки, о том, что некто зашёл не в тот дом, сейчас в абсолютно-сти неуместны. *Omnino*

Ни один человек со всего мира не может быть вхожим в этот дом. Кроме жителей Бониты, которым официально это тоже запрещено

Мне не требовалось щёлкать выключателем, мне не требовалось угадывать, за каким тренажёром мог скрываться неизвестный. Не требовалось вообще ничего.

Чтобы разглядеть труп на полу. Прямо у входа. Бездыханный. Бездвижный. Безжизненный. Что пустая комната наверху (Мёртвый).

Уже почему-то без страха, включил свет.

Sed pretium esset

А стоило бы.

Сердце вернулось в свою шарлатанскую бездеятельную норму, перестав давать о себе знать.

Он лежал обескровленным снаружи, на шее горела красным полоса от удушения.

Гаррота.

Его одежду представлял собой чёрный спортивный костюм без брендов с широким капюшоном, что могло означать только одно. Он принадлежал нам. Экзекуторам. Конклаву Милосердия, пусть и не имел при себе знаменитого кинжала. Убийца забрал его.

А кто же убийца, на этот счёт у меня тоже имеются догадки.

Мы не одни, ведущие аскетически замкнутый образ жизни, помешанные на том, чтобы эти самые жизни отнимать. Есть ещё одна конкурирующая организация, чьи сотрудники, думается мне, иногда становятся нашими жертвами или палачами. Моими – никогда. Но, если есть две фирмы, занимающиеся одним и тем же ремеслом, то не исключена вероятность, что они будут переходить друг другу дорогу тяжёлыми сапогами своих ремёсел.

Вот только какого чёрта это произошло в моём доме?!

Их орудие убийства гаррота. Называют они себя Консилия Монументо Верум, что буквально переводится, как Сообщество Правды на Надгробии.

Я мало о них знаю, но в охране трепались, что они даже общаются с кем-то из наших, в том числе, их управление, наверняка в диалоге с нашим.

Но какого чёрта их убийца убил нашего у меня дома?!

Догадки, конечно же, есть. Но сложные.

Предположим, наш вторгся сюда за мной, вместо этого нашёл кого-то другого и не смог его осилить.

Хотя и следов борьбы нет.

Или же человек с Гарротой пришёл за мной и вместо меня по ошибке убрал другого. Опять-таки, что в доме делал убиенный.

Не назначили же они мой дом местом встречи для своих разборок, просто, чтобы смутить

Избавиться от трупа, первостепенное сообщение из мозга. Но избавляться придётся самому, а не через Крематорий. И провезти через охрану не выйдет. Они досматривают через сканер заезжающий и выезжающий транспорт, и если при заезде в Бониту, тебе не задают вопросов о том, кто это бездыханно покоится в твоём багажнике, то при выезде, такие вопросы наверняка возникнут. И слабенькая версия про то, что я вывожу тот же труп, посыплется как поросычий домик на ветру, как только станет известно, что Крематорий я навещал, а его услугами воспользовался.

Мои приглушенные погружения в себя прервало колокольное уведомление наверху.

Конклав призывает. Времени на прибытие даётся очень немного, колокол выдаёт общий звон на всю Бониту и звенит колокольцами в домофонном терминале тем, кого конкретно призывают, в то время как все остальные жители Бониты наблюдают за процессией в Управление из-за штор.

Ни в какие другие моменты улицы Бониты не становятся столь населёнными.

Я бросил тело всё так же бездыханно покоиться на входе в тренажёрный зал, затворил дверь.

Придётся распаковывать свой *труд*. Раньше, чем я когда-либо мог это спланировать. Вернусь к этому, когда вернусь с Управления.

Я порхнул по плечам мантией, накинул маску, капюшон, выпорхнул лапами мантии из дома, заперев дверь на все обороты ключа, сканер отпечатка и даже на второй замок, который вообще никогда не использовался, отчего ключ еле провернулся и с ещё большим трудом вышел обратно. С такой игрой в замочки, можно вообще не попасть вовнутрь.

По дороге тянулась процессия из Лэнд роверов. Медленно, будто виновато топчась перед башней управления.

Всякий намеревался окинуть меня взглядом из-под тяжёлого капюшона. Будто бы они что знали.

Perclasi

Вообще, когда я сам наблюдал кого-то, по пути следования, выходящим из дома, то мог, отслеживая его, проводить идентификацию вплоть до присутствия в самом Конклаве, вплоть до получения им задания. И при надобности, мог отследить выполнение им Акта Милосердия.

Не было необходимости в прошлом. Но пару раз экспериментировал.

И, наверняка, другие Экзекуторы, могли делать то же, как сейчас, мой дом запоминают проезжающие мимо. И это сильно напрягает, надо признать, когда в подвале твоего дома кем-то оставленный труп Экзекутора из Бониты.

Не исключено, что погибший жил где-то до моего дома, ещё дальше от Башни Управления, потому, он точно так же однажды смог меня запомнить. А я никак бы не смог сдела

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.